

УДК 821.111

ИСТОКИ ХРИСТИАНСКИХ МОТИВОВ В ТВОРЧЕСТВЕ У.МОРРИСА

© Э.В.Седых

В статье рассматриваются основные источники христианских мотивов, послуживших основой произведений У.Морриса, поэта, писателя и художника викторианской Англии. Особое внимание уделяется житетворческому дискурсу, в рамках которого прослеживается религиозное начало его литературных и живописно-декоративных произведений.

Ключевые слова: прерафаэлиты, Уильям Моррис, христианство, англо-католицизм, литература и искусство викторианской Англии.

Прерафаэлиты, поэты и художники, зачастую обращались за вдохновением к Библии. В их литературных и живописно-декоративных работах чувствовалось желание возвысить человеческую душу над суетой, наделить её божественностью. Стремление прерафаэлитов к созданию произведений искусства, исполненных глубокого смысла и искренности, привело к тому, что символика в их текстах воспринимается как нечто вполне органичное – религиозный (как и литературный) подтекст всегда присутствует в их работах. Религиозные концепты нашли наиболее яркое выражение в метатексте Уильяма Морриса.

Библия, латинская духовная поэзия и «Живописания Святых» послужили богатейшим источником христианских мотивов, которые, несомненно, являлись ведущими в творчестве Морриса. Художник глубоко понимал и миф, и религию; он сумел соединить в органическое целое языческие сказания и христианские легенды. Сказочное сознание Морриса, как и магическое сознание средневекового человека, вступало в интенсивное взаимодействие с христианскими верованиями и представлениями о мире. Традиционная магия и христианство не образовывали в его сознании разных «этажей», разобщённых отсеков. «Возникшее из их встречи единство не было лишено противоречивости и амбивалентности, но оно было единством, в контексте которого и старая магия, и учение Христа обретали свой смысл и функции только во взаимной соотносённости» [1: 126]. Именно поэтому во всех его произведениях ощущается синтез христианства и язычества, а Христос сосуществует с древними богами.

Языческие представления в средние века переосмысливала и сплавляла в новое мироощущение христианская идея. Христианский Бог был не только важным элементом мироздания (космоса), но и полным средоточием жизни, пределом человечности. Он был ближе к личности, чем к божественной сущности, поэтому средне-

вековый человек ощущал себя индивидуальностью, отчасти подобной самому Богу. Средневековое искусство сводило человека с Богом, ставило его перед его образом, поддерживало христианское мироздание [2].

Моррис пытался возродить человечество религией красоты, в какой-то степени взяв на себя миссию Христа: «Изложение нового порядка жизни не пестрит у Морриса ссылками на учение Христа, но своей естественной, непринуждённой кротостью и своей независимостью от всего искусственного и условного в нашей жизни оно ближе всего подходит к тому идеалу, который заповедал Христос» [3: 820]. Моррис исповедовал возвышенно-прекрасную религию человечества; он верил в способность человека бесконечно совершенствоваться и возрождаться. Как и все романтики, он мечтал о прекрасных и милосердных людях, о гармонии человека и мира, о единстве и братстве всего человечества, о жизни как свободе и счастье, о героическом подвиге во имя человечества, о расцвете духовного богатства личности и реализации всех её потенциалов.

Символизм, творимый Моррисом, открывал новые возможности в мире фантазии; он был связан с ассоциативностью, иносказанием; придавал большое значение контексту; создавал новую эстетику. Символистская красота сближалась у него с готической и являлась естественным следствием близости символистского и готического идеалов мистического человека, в глазах которого светилась духовная жизнь. Моррисовский символистский идеал включал в себя возврат к библейским сюжетам и образам, которые стали знаковыми для его творчества. Основа для подобных реминисценций была заложена ещё в детстве.

Детство Морриса прошло в религиозном контексте. Именно тогда начал складываться в его житетворческом дискурсе великий союз искусства и религии на эмоционально-образном уровне. Вместе с родителями Моррис посещал сред-

невековую церковь Святой Марии. Самым любимым праздником было для него Рождество, самым почитаемым святым – Святой Георгий. Данные образы нашли отражение во многих его произведениях и стали основными фигурами различных артефактов. Вместе с отцом мальчик изучал Библию, сюжеты которой воплотились позже в дизайнах для витражных окон и гобеленов, и церковную архитектуру. Особенно его привлекала готическая архитектура, устремлённая в Небеса, к Богу. Моррис обладал «врождённым чувствованием готики»; он «узнавал в ней язык, дарованный ему свыше» [4: 29].

Благодаря кропотливому исследованию средневековых церквей и их интерьеров Моррис приобрёл пожизненный интерес к архитектуре и дизайну. Неисчерпаемый интерес к старине вдохновлял его не только на созерцание архитектурных особенностей и декоративных деталей интерьеров древних религиозных построек, но и на создание необычных романтическо-символических поэм, центральными образами которых были такие топоэксфрасисы, как церкви, монастыри, соборы, часовни и аббатства (например, поэма «Аббатство и Дворец»). Впоследствии религиозные сооружения становились не только «персонажами» его художественных произведений (романсе «История Неизвестной Церкви», поэма «Часовня в Лайонессе», стихотворение «Монастырь Святой Агнессы»), но и статей и лекций («Церкви Северной Франции», «Кентерберийский собор», «Собор Святого Марка, Венеция», «Вестминстерское Аббатство»).

В возрасте 9 лет Уильяма отправили в Мальборо в Подготовительную школу для юных джентльменов, библиотека которой славилась литературой по церковной архитектуре. Его интерес к церковной архитектуре возрос также благодаря популярному в то время Англо-католическому движению. Мальборо, хотя и не был основан теологической организацией, нес на себе отпечаток Высокой Церкви. При школе был создан церковный хор, с которым Моррис исполнял церковные песнопения. Старинная духовная музыка воздействовала на душу юноши с той же силой, что и средневековая архитектура. Романтическое движение, основанное на атрибутике христианского искусства, настолько увлекло Морриса, что он вышел из школы приверженцем англо-католицизма.

Англо-католицизм восходил к веку королевы Елизаветы; он возродился в первой половине XIX в. в форме Оксфордского Движения. Англо-католики подчёркивали историческую непрерывность в существовании Англиканской церкви и поддерживали «высокую» концепцию еписко-

пата и сущности священных таинств, к которым они относили исповедь и помазание. Англо-католики верили в сакральную природу духовенства, жертвенный характер мессы и реальное присутствие в евхаристии. Англо-католические церкви проводили литургии, во время которых использовались ризы, ладан и свечи; культовой фигурой для них всегда была Дева Мария [5].

Сестра Морриса Эмма, с которой он, учась в школе, постоянно вёл переписку, оказала решающее воздействие на его дальнейшее развитие. Под влиянием сестры Уильям решил посвятить себя служению церкви и её идеалам, выбрав для осуществления своей цели Эксетер Колледж. До поступления в Эксетер Моррис в течение года занимался с Фредериком Дж.Гаем, приверженцем англо-католицизма. Под влиянием своего учителя он превратился в знатока теологии, латинского и греческого языков. Ф.Гай, кроме того, был членом Оксфордского Общества Изучения Готической Архитектуры и поддержал Морриса в его стремлении познать ранний готический стиль.

Самое главное, что ожидало его в университете, это пожизненная дружба с Э.Бёрн-Джонсом, – один из самых плодотворных тандемов в истории, «дарованный Небесами» [6: 9]. Бёрн-Джонс первым предсказал Моррису великое будущее, считая его умнейшим человеком, способным созидать святые сущности в литературе и других искусствах. Первоначально Моррис и Бёрн-Джонс хотели посвятить себя служению церкви; у них было высокое представление о миссии священнослужителя, который должен был являться для прихожан и образцом нравственной чистоты, и наставником, и помощником. В письме к матери от 11 ноября 1855 г. Моррис писал, что главное, чему он научился в Оксфорде, это отвращению к греху во всех проявлениях [7: 16]. На протяжении всей жизни, несмотря на обстоятельства, друзья старались блюсти нравственность.

В Эксетере Моррис был частым посетителем Бодлианской библиотеки, где он штудировал книги по теологии и истории церкви: «История восточной церкви» Дж.Нила, «История латинского христианства» Г.Милмена, «Католические обычаи» К.Дигби, а также отрывки из «Acta Sanctorum» издания 1643 г., состоявшего из 68 томов и представлявшего собой живописания святых. Моррис был увлечён изучением «Трактатов о временах» Дж.Ньюмена, полемических эссе об англиканской церкви и «Истинных принципов христианской архитектуры» О.Пьюджина, который доказывал, что произведение искусства всегда связано с нравственным обликом худож-

ника, с чистотой его души. Среди настольных книг Морриса были средневековые хроники, латинская духовная поэзия и иллюминированные манускрипты. Именно в этот период своего духовного развития он получил основные знания по христианской литературе, к которой он многократно обращался для создания своих произведений.

Моррис с большим интересом изучал историю Англиканской церкви, объединявшей Низкую, Широкою и Высокою Церковь [8; 9]. В середине XIX в. главенствующее положение занимали евангелисты, полагавшие, что духовное спасение человека достижимо через личную веру, основанную на буквальном понимании Священного Писания. Евангелисты отрицали учение о предопределении, согласно которому люди рождались склонными к греху; строгое воспитание было способно вырвать душу человека из лап дьявола. Они придерживались пуританской морали, сформировавшей викторианские нравы. К евангелистам примыкали методисты, вместе с которыми они входили в Низкую Церковь. Евангелистские церкви и Методистские молельные дома были лишены декорации, а в богослужении центральное место отводилось назидательной проповеди. Сторонники Широкой Церкви считали, что Евангелия следует понимать метафорически, а роль церкви они сводили к тому, чтобы помочь человеку достойно прожить земную жизнь и обрести блаженство в жизни вечной.

Высокая Церковь (во многом тождественная Оксфордскому Движению) оставалась ближе всего к католицизму. Её деятели настаивали на значимости культа, принципиально важного для спасения души и воздействующего не только на разум, но и на эмоции; они хотели восстановить богослужение, по обрядам напоминавшее католическое. Сторонники Высокой Церкви утверждали, что христианские таинства – не просто символические обряды, а действия, в которых участвует Святой Дух, что крещение является вторым рождением человека, а хлеб и вино причастия – Плотью и Кровью Христовыми. Высокая Церковь предлагала celibat для священников и предполагала возможность создания монашеских общин. Её расцвет пришёлся на вторую четверть XIX в. и был связан с Готическим возрождением. Моррис, приняв решение стать священником, видел своё будущее именно в русле Высокой Церкви.

В Эксетере Моррис не только много читал и постигал религию, но и путешествовал. Он изучал средневековые церкви в разных уголках Англии, побывал в Северной Франции. Во время путешествия он посетил церкви Амьена, Бюве,

Руана и Шартре; открыл Я. ван Эйка и Г. Мемлинга, религиозная живопись которых стала для него образцом человеческого гения. Моррис наслаждался готическими церквями и соборами, описания которых появятся во многих его произведениях. Будучи в Шартре, он предавался скрупулёзному изучению витражных окон соборов и церковей XII в. Во время путешествия он принял решение отойти от карьеры священника и посвятить себя служению искусству. Тем не менее, его искусство навсегда было связано с религиозными идеями.

После окончания Эксетера Моррис серьёзно задумывался о том, чтобы основать мужской монастырь. В то время подобные идеи буквально носились в воздухе, а общество в Литлморе, созданное в 1840 г. Ньюменом, служило не только местом паломничества, но и центром идей, оказывающих огромное влияние на юные умы. Подобное общество уже имело место в истории; оно было основано в 1809 г. немецкими художниками П. фон Корнелиусом и И. Овербеком. Эта группа художников «Братство Святого Луки» (назарейцы) жила по уставу монастыря и основывала свою деятельность на моральном принципе средневекового искусства, проповедуя обучение в ремесленных мастерских и житие в монашеском сообществе. Назарейцы возродили монументальную фреску, представляя свой художественный мир в виде огромных полотен, населённых множеством людей. Они оказали огромное влияние на развитие прерафаэлитизма и, особенно, на художественное мировоззрение Морриса, который украсил огромные залы своими «средневековыми» в духе назарейцев гобеленами, а церкви и соборы – потрясающими воображение витражными окнами.

Полностью реализовать задуманный проект «художественного монастыря» Моррису не удалось, но идея братства воплотилась в создании ежемесячного журнала «Оксфорд энд Кэмбридж Мэгэзин», где были напечатаны его поэмы «Совместная езда верхом», «Руки», «Молись, но не забудь меня в молитве», основанные на христианских идеях человеческого единения. В более поздние годы Моррис не раз возвращался к христианской идее братства, воплотив её в таких объединениях единомышленников, как фирма «Моррис и Компания», художественные мастерские в Мёртоне, типография «Кельмскотт Пресс», Социалистическая Лига (в связи с данным фактом его причисляют к христианским социалистам). Именно Моррис повлиял на Прерафаэлитское братство на его втором этапе развития. Благодаря ему и его интересу к католицизму многие черты живописи прерафаэлитов, отра-

жившие их восхищение средневековым прошлым, стали проникать в художественные ремёсла [10: 31].

После окончания университета Моррис обучался в архитектурной мастерской Дж.Стрита, одержимого мыслью создать учебное заведение, сочетающее черты колледжа, монастыря и художественной мастерской, в котором студенты смогли бы овладеть теорией и практикой религиозного искусства. Стрита, как и Морриса, привлекали церковные вышивки. Во второй половине XIX в. всё более набирающее силу Англо-католическое движение уделяло серьёзное внимание церковному ритуалу, для проведения которого требовались вышитые изделия и декоры для внутреннего убранства храмов. Поэтому Моррис обратился к изучению искусства вышивания в теории (он учился по книге «Церковная вышивка», 1848) и на практике. Во время учёбы у Стрита Моррис принимал участие в реставрации оксфордских церквей и делал многочисленные зарисовки церквей в Блоксеме, Бэнбери, Эдденбери. Здесь он познакомился с Ф.Уэббом и Р.Шо, повлиявшими благодаря Моррису на развитие архитектуры жилого дома в Англии XIX – XX вв. Но самое главное – Моррис превратился в почитателя школы прерафаэлитов. Благодаря Бёрн-Джонсу он познакомился с Д.Г.Россетти и Ф.М.Брауном. Так началась дружба и сотрудничество великих умов, которые создали немало шедевров религиозного искусства.

Что касается раннего литературного творчества Морриса, то оно включало в себя romances, основанные на христианском мировидении («Ночь в соборе», «Лощина», «История неизвестной церкви») и «средневековые» поэмы из сборника «Защита Гвиневры». Данные поэмы представляли собой необычные вариации на религиозные темы («Сэр Галахад: Рождественская Мистерия», «Могила короля Артура», «Золотые крылья», «Позорная смерть»). Моррис увлекался также сочинением кэролов. Его «Французский гимн» был напечатан в сборнике «Старинные Рождественские Гимны для четырёх голосов», а рождественский гимн «Дева Мария» был включён в его *romance* «Лощина».

Хотя Моррис постепенно отходил от идей англо-католицизма, он никогда окончательно не порывал с религиозными обрядами и символикой христианства, которые встречаются во всех без исключения литературных произведениях («Земной Рай», «Жизнь и смерть Язона», «Пилигримы Надежды»), а также в витражах («Ангелы Музыки», «Рождество Христово», «Земная жизнь Христа», «Три Марии у гробницы»), гобеленах («Поклонение волхвов», серия о Святом Граале) и де-

коративной росписи («Святая Цецилия», «Святой Михаил и дракон», «Житие Святого Георгия», «Святая Мария Магдалена», «Ангелы»).

Во всех своих произведениях, живописно-декоративных и литературных, он, эксплицитно или имплицитно, затрагивал религиозную проблематику. Это касается и его поздних romances («Сон про Джона Болла», «Дом Сынов Волка», «Корни гор», «Вести Ниоткуда», «История Сверкающей Равнины», «Колодец на краю света», «Лес по ту сторону света», «О Чайлд Кристофере и Прекрасной Голдилинд», «Воды Дивных Островов», «Разлучающий Поток»), в которых исследователи зачастую видят только политический подтекст. Христианские мотивы пронизывают всё художественное творчество этого великого творца Красоты, формируют особые, открытые в культурное пространство воображаемые миры, несут в себе «креативно-рецептивный смысл» [11: 140]. Христианские мотивы органично входят в целостную систему моррисовского эстетизма и панэстетизма, вбирая в себя и концепцию Возвышенного Прекрасного, которая создается (среди прочих) на идеях о «преобладании Великого и Прекрасного» в её союзе с представлениями о Высоком и «истинной Добродетели» как пути высветления в смертном человеке Божественного бесконечного [12: 162].

1. *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Культура средневековой Европы. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 544 с.
2. *Розин В.М.* Визуальная культура и восприятие. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 224 с.
3. *Ляцкий Е.* «Вести Ниоткуда» В. Морриса // Вестник Европы. – 1906. – № 4. – С. 816–821.
4. *Clutton-Brock A.* William Morris: His Work and Influence. – London: Butterworth, 1914. – 256 p.
5. *Wright L.B.* Middle-Class Culture in Elizabethan England. – Cornell University Press; Ithaca, 1963. – 733 p.
6. *Salmon N.* The William Morris Chronology. – Bristol: Thoemmes Press, 1996. – 292 p.
7. *Morris W.* The Letters to His Family and His Friends / ed. Ph.Henderson. – London: Longmans, Green & Co, 1950. – 406 p.
8. *Mackail J.W.* The Life of William Morris. – London: Longmans, Green & Co, 1922. – 770 pp. (переиздание 1899 г.)
9. *Chapman R.* Faith and Revolt: Studies in the Literary Influence of the Oxford Movement. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. – 328 p.
10. *Адамс С.* Движение искусств и ремёсел. – М.: Радуга, 2000. – 128 с.
11. *Аминева В.Р.* Межлитературные текстовые образования: семиотика и поэтика // Филология и культура. Philology and Culture. – 2013. – № 1 (31). – С. 137–141.

12. Пашуров А.Н. Возвышенное как прекрасное в русской художественной философской мысли XII–XVIII веков: некоторые закономерности //

Филология и культура. Philology and Culture. – 2013. – № 1 (31). – С. 159–162.

THE SOURCES OF CHRISTIAN MOTIVES IN W.MORRIS' WORKS

E.V.Sedykh

The article considers the main sources of Christian motives, constituting the basis of the works by William Morris, who was a poet, writer and artist of Victorian England. The life-creative discourse, in which the religious beginning of his literary and pictorial-decorative works can be seen, is highlighted.

Key words: Pre-Raphaelites, William Morris, Christianity, Anglo-Catholicism, Victorian literature and art.

* * * * *

Седых Элина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им.А.И.Герцена.

E-mail: elinasedykh@gmail.com

Поступила в редакцию 26.05.2013